

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

21 октября 2010 – 16:00

Р.Г.Апресян

Коммуникативная предопределенность морального долженствования

Тезисы доклада

1. А ведь в наших головах нет даже какой-то определенности об источнике моральной императивности.

Читая соответствующую тему студентам, мы спешим перевести разговор на Канта. При обсуждении программы курса два года назад у нас даже возник быстротечный диспут на эту тему: мол, как же не рассказать о Канте?! Без Канта в этом вопросе, конечно же, никуда. Но ведь это только в порядке иллюстрации. Ведь кантовская концепция долженствования теоретически контекстуализирована так, что не всякому из нас будет уютно. Что делать, скажем, с «ноуменальным миром» не в порядке историко-философского описания, а реально-концептуально, в речи от себя?

2. Несколько лет назад, почти десять, перечитывая Локка и пробегая скучающим взглядом по знакомому перечню моральных законов, я вдруг споткнулся о его описание закона «философского» или, как Локк и по-другому его называет, «закона мнения, или репутации», «закона обычая (fashion), или частного порицания». Вот слова, заставившие меня остановиться:

Хотя люди, соединяясь в политические общества, отказываются в пользу государства от права распоряжаться всею своею силою, так что не могут пользоваться ею против своих сограждан больше, чем позволяет закон страны, однако они все же сохраняют право быть хорошего или плохого мнения о действиях людей, среди которых живут и с которыми общаются, одобрять или не одобрять эти действия. В силу этого одобрения или неприяни они и устанавливают между собой то, что они намерены называть *добродетелью* и *пороком*¹.

Этот пассаж, пусть и не отличается теоретической ясностью и логической четкостью, но он вскрывает важную особенность морали, характеризуя источник морального долженствования. Оговорюсь: один из источников.

Обобщая локковское рассуждение, мы можем выделить в нем следующие основные моменты. Во-первых, люди в своих оценках исходят из собственного блага и одобряют действия, которые считают преимущественными для себя, и осуждают противоположные им; вместе с тем, в своих действиях они стремятся к тому, чтобы, способствуя благу других, вызвать их расположение и избежать их недовольства. Во-вторых, люди высказывают одобрение и осуждение не произвольно: человеческие отношения взаимны, и посредством этой взаимности нейтрализуется партикулярность

¹ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / Пер. с англ. А.Н. Савина// Локк Дж. Соч. в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. С. 406.

или релятивность суждений и ожиданий участников коммуникации или членов сообщества; высказываемые суждения и ожидания приобретают статус надперсональности и в таком виде откладываются в традиции, в культуре. В-третьих, включение возникающих на основе опыта общения суждений, манер и манер в традицию, в культуру данного сообщества, не опосредовано их публичной вербализацией, оно происходит, как говорит Локк «по скрытому и молчаливому согласию».

Такое прояснение механизма «закона репутации» позволяет выделить несколько идей, для прояснения особенностей действия морального должностного, ради чего и была предпринята реконструкция локковского пассажа. *Первое*, моральные решения складываются в коммуникации, в непосредственном отношении человека с другими людьми, а также на основании имеющегося опыта таких отношений. Не общие принципы предопределяют нравственные решения и, соответственно, действия, а реальная практика человеческих отношений. *Второе*, в свою очередь принимаемые решения, планируемые и совершенные действия проверяются человеком, другими людьми, сообществом в соответствии с существующими в данной культуре принципами. *Третье*, моральная императивность не всегда проявляется и действует в нормативной форме, т.е. будучи оформленной в виде объективных, или надперсональных, универсальных, или адресованных ко всем норм. Она проявляется в виде самой по себе реакции на другого человека, с соответствующей возможной адаптацией к другому или конфронтации с другим. Эта реакция и определяет содержание морального действия. Общие принципы определяют форму, в какой осуществляется эта реакция.

3. Некоторое время спустя я прочитал у Левинаса:

Отношения с Другим проблематизируют меня... Нагота лица – это крайняя нужда и тем самым мольба в прямой направленности ко мне. Но эта мольба требовательна, это унижение с высоты.... Лицо требует от меня признания. ... Присутствие лица означает, таким образом, не подлежащий обсуждению приказ – заповедь, что кладет конец принадлежности сознания самому себе... ...[О]прокинуть эгоизм Я... [Л]ицо, им Другой окликает меня и, в своей обнаженности и нужде, объявляет мне свое повеление. Само его присутствие требовательно взывает к ответу. ...Отныне быть Я означает невозможность отстраниться от ответственности².

И потом уже трудно было не начать обнаруживать похожие идеи и дескрипции у разных мыслителей. Например, у Соловьева в раскрытии смысла любви как преодоления эгоизма³.

4. Не такова ли в свете этих идей коммуникативная логика золотого правила («Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе»)? – Относясь к другому, как я желал бы, чтобы другой относился ко мне, я не просто демонстрирую свои *ожидания* или тем более предпочтения, – я задаю стандарт, и, тем самым, выражаю *требование*.

² Левинас Э. Гуманизм другого человека // Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Пер. с фр. А.В.Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 165–171.

³ Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 505–508.

Коммуникация в духе золотого правила складывается в том числе и из взаимных демонстраций ожиданий, их апробации, признания или непризнания и последующей корректировки, согласования, универсализации.

5. Конечно, я помню вывод Дробницкого:

Итак, хотя нормативная регуляция, с одной стороны, может возникать в результате стихийного взаимодействия множества индивидов (ситуация, имеющая место в ранне-родовом обществе, а в условиях современных – в границах лишь локальной общности или группы) и, с другой стороны, включает в свои механизмы взаимные эмоционально-волевые воздействия людей, сама она, однако, не сводится к этой стихии межличностных отношений⁴.

6. Эти теоретические идеи наполнились для меня особым содержанием при освоении и осмыслении гомеровского эпоса.

Слова Гусейнова, сказанные о гомеровском эпосе, что в нем «трудно найти сколько-нибудь строгий, вербально оформленный моральный кодекс, общие заповеди, соблюдение которых считалось бы критерием моральности»⁵, – нередко воспринимаются таким образом, что в гомеровском эпосе вовсе отрицается нормативность. Однако Гусейнов говорит лишь об отсутствии строгого, вербально оформленного кодекса, общих заповедей. Этого, в самом деле, у Гомера нет.

О самостоятельной императивной значимости мифа, не нуждающегося в дополнительных средствах нормативности, даже таких простых, как образцы или примеры, говорил Йегер⁶: «Миф – это слава, весть о великом и возвышенном... Необычное обязывает уже только в силу признания его факта. Но певец не только повествует о подвигах, он восхваляет и превозносит то, что в этом мире достойно похвал и превознесения»⁷. Йегер подчеркивал, таким образом, что эпос, не содержа в себе обобщенных норм, тем более в кодифицированной форме, специально высказываемых автором/певцом, выполняет свою нормативную функцию иначе: нормативность здесь не нуждается в отдельной артикуляции, поскольку содержится во «внутренней структуре эпоса»⁸.

Эпический певец – не единственный, кто выступает в роли «субъекта» эпической императивности. Эпос насыщен императивностью и на уровне частных нарративов, которые играют не меньшую, если не сказать, большую социализующую и воспитывающую роль. Эпический поэт не морализирует, но эпические персонажи – боги, герои, благородные – постоянно высказывают в адрес друг друга ценностные и императивные (в широком смысле слова, отнюдь не специфически моральные) суждения, выражая ожидания, ссылаясь на жизненный опыт, напоминая о существующих традициях, приводя примеры достойных деяний великих мужей. Эти высказывания не обращены с очевидностью к слушателю, они являются частью внутриэпического дискурса, к тому же они в рамках этого дискурса нередко подвергаются обсуждению. Высказанные одними персонажами, они могут приниматься или не приниматься другими, дополнительно аргументироваться, эти аргументы могут воспроизводиться третьими персонажами.

⁴ Дробницкий О.Г. Понятие морали: Историко-критический очерк. М.: Наука, 1974. С. 237.

⁵ Гусейнов А.А. Введение в этику. М.: МГУ, 1985. С. 44.

⁶ Йегер употребляет слово «нормативность», как я понимаю, в значении «императивность».

⁷ Йегер В. Пайдейя. Т. 1: Воспитание античного грека. М.: Греко-латинский кабинет, 2001. С. 72.

⁸ Там же. С. 74.

Эпос, в самом деле, насыщен императивным содержанием. Оно двууровнево. Во-первых, в силу самого жанра и места в греческой культуре эпос выполнял императивную функцию, выступая своего рода некодифицированным стандартом моральности. Во-вторых, в своем непосредственном выражении внутренняя императивность эпоса носит нарративно-ситуативный характер. По жанру эпоса его нарративная функция превалирует над императивной, однако по тому месту, который он занял в культуре Греции, все его нарративно-ситуативные сентенции приобрели, пусть и не безусловный, но общезначимый смысл.

7. Наиболее отчетливо в «Илиаде» эта особенность морали проявилась в эпизоде умоления Приамом Ахилла выдать ему за выкуп тело Гектора (Ил. XXIV).

Выкуп тела погибшего в бою родственника или друга – общепринятое дело в том мире, который предстает в гомеровском эпосе, как и тысячелетия после него. Тело павшего противника, освобожденное от доспехов, оттаскивалось с поля битвы – либо для возвращения за выкуп, либо для обещания. Приам не просто пришел с выкупом, он припадал к коленам Ахилла и молил его о снисхождении, и само это смиренное выпрашивание милости было действием, требовавшим по нормам гомеровского общества удовлетворения. Однако расположение Ахилла к Приаму совершенно выпадает из рамок и внутренней логики сложившейся ситуации – как в частном ее выражении, если принять во внимание отношения Ахилла и Гектора, так и в общем, если учесть, что сам Приам, *тайно* явившийся в стан ахейцев, представляет собой добычу, потенциально не соизмеримую с выкупом, принесенным им за тело сына. Ахилл действует отчасти по логике обычаев, а отчасти вопреки им, всецело полагаясь на собственный выбор и собственную волю. Не выкуп, но сострадание оказывается тем мотивом, который подвигает Ахилла благосклонно отнестись к мольбе Приама. При этом Приам, будучи в положении просителя, коленапреклоненного, слабого, обращаясь к Ахиллу, фактически «назначает» принцип, по которому следует действовать Ахиллу – сильному, облеченному властью, хозяину положения. Это именно то, о чем говорил Левинас: «...Лицо, им Другой окликает меня и, в своей обнаженности и нужде, объявляет мне свое повеление. Само его присутствие требовательно взывает к ответу»

До этого Ахилл постепенно меняет свое решение не участвовать более в битве под влиянием увещаний послов, устыжений со стороны Патрокла, наконец, впечатления от смерти Патрокла.

8. Для исследователя морали гомеровский эпос представляет исключительный интерес. По его различным эпизодам можно проследить, как постепенно «собираются» и «складываются воедино» те содержательные (невреждение, уважение, справедливость, забота) и функциональные (взаимность, обратимость, автономия-независимость, надперсональность) черты, которые нам известны как характеристики морали.

9. Совместим Гомера и Локка. Судя по тому, что в эпосе мы не находим ничего, похожего на «божественный» и «гражданский», по Локку, законы, но находим, почти в первоначальной чистоте локковский «философский закон», этот компонент морали можно считать наиболее древним. Мораль изначально не заповедуется, не открывается, но складывается в ткани живых человеческих отношений, как единичный и индивидуальный, межиндивидуальный опыт общения, противостояния, разрешения конфликтов. Постепенно этот опыт обобщается в описании, *дескрипции*, конституируется, нормативно оформляется в качестве надситуативного *рецепта* действия, сначала возможного, а затем неперменного, уже в виде *прескрипции*. А

оказавшись абстрагированной от данного в дескрипции опыта, прескрипция воспринимается самодовлеющей, единственно репрезентирующей мораль.

Эссе Бахтина о философии поступка, в котором поступок – единичный, совершенный никому не подотчетно, как бы в одиночестве – постулируется в качестве действительного воплощения морали, предлагает полемичный ответ на возобладавшее в моральной философии понимание морали как существующей самой по себе и не от мира сего прескрипции. Бахтин отчетливо увидел персональность морали, ее укорененность в личном выборе и в волеии к действию. Чего он не увидел, так это частичности в действии, включенности действия во *взаимодействие*.

10. Этими наметками я вовсе не хочу дезавуировать идею внутрикультурного бытия моральных форм, их универсализованности, надперсональности, надситуативности, нормативной конституированности. Вне этой универсально-культурной определенности мораль не имела бы присущей ей силы. Однако залогом живительности этой силы является ее укорененность в реальности человеческих отношений.